

**БЕРЛИНСКОЕ ИЗДАНИЕ ПИСЕМ Л. ЭЙЛЕРА 1959–1976 гг.
О СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ ГЕРМАНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
В БЕРЛИНЕ И АКАДЕМИИ НАУК СССР В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ
XX века**

ПЕТЕР ХОФМАН

**THE BERLIN EDITION OF L. EULER'S LETTERS (1959–1976).
THE JOINT WORK OF THE GERMAN ACADEMY OF SCIENCES IN
BERLIN AND THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE THIRD
QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY**

PETER HOFFMANN

Петер Хофман (Peter Hoffmann) – немецкий историк, специализирующийся на истории России и, в частности, на истории российской науки. В предлагаемых вниманию читателя воспоминаниях он рассказывает о совместной работе двух Академий наук – Германской (позднее Академии наук ГДР) и Академии наук СССР – по изданию переписки Леонарда Эйлера, активным участником которой он был. АН СССР в этой работе была представлена Институтом истории естествознания и техники АН СССР (ныне ИИЕТ РАН) в лице А. П. Юшкевича и Ю. Х. Копелевич, а с немецкой стороны ведущим участником был Э. Винтер. Рассказ Хофмана станет еще одной интересной страницей летописи ИИЕТ РАН и всей Российской академии наук в целом.

В данных воспоминаниях я хотел бы вернуться к началу моего научного пути. В 1957 г. я должен был выступить на организованной Эдуардом Винтером в Берлине Эйлеровской конференции с докладом «О связях Эйлера с Петербургской академией наук в период его пребывания в Берлине». Замечу, что этот доклад был основан на результатах моей работы по подготовке издания переписки Эйлера с конференц-секретарем Петербургской академии наук Герхардом Фридрихом Миллером (1705–1783).

К двухсотлетию со дня рождения Леонарда Эйлера (1707–1783) было решено начать издание всех его трудов, для чего была создана специальная издательская коллегия. Густав Энестрем опубликовал каталог всех опубликованных работ Эйлера, который лег в основу нового издания, получившего название *Opera omnia*. Первый том вышел в свет уже в 1911 г. Предполагалось издать три серии книг, первая из которых, состоявшая из 30 томов, должна была содержать работы по математике, вторая – по механике

и астрономии (31 том), а третья – работы по физике и остальным наукам, которыми занимался Эйлер (12 томов). Издание планировалось осуществить за период от десяти до пятидесяти лет. При этом публикация переписки не планировалась.

В середине прошлого века в издательскую коллегию *Opera omnia* с советской стороны был включен Адольф Павлович Юшкевич. В 1961 г. в Москве был издан перечень находящихся в Архиве Академии наук СССР 2268 писем, написанных Эйлером и присланных ему ¹, а в 1967 г. появился аннотированный указатель писем Эйлера, который охватывал уже 2654 письма. В предисловии к нему Юшкевич писал:

В связи с предстоящим 250-летним юбилеем Эйлера Германская академия наук и Академия наук СССР предприняли издание переписки Л. Эйлера с Петербургской академией наук, отражающее тесную связь двух академий в XVIII в. и содержащее много важных сведений об их истории ².

Далее автор предисловия сообщал:

Предполагается, что Швейцарское общество естествоиспытателей издаст впоследствии эту переписку в добавление к 72 томам его полного собрания сочинений (L. Euler Opera Omnia), из которых в период с 1911 по 1964 г. вышло 59 томов ³.

Предисловие к данной публикации можно считать обоснованием издания всей переписки Эйлера, в которой отражены

занимавшие его научные вопросы, то есть, по существу, почти все проблемы математики, механики, астрономии, физики его времени, а кроме того, разнообразные вопросы биологии, географии, техники, философии, религии. Иногда дело ограничивается краткими замечаниями, но во многих случаях письма разрастаются до небольших трактатов с изложением теорий, выводами теорем или указаниями на ход доказательства, сравнением различных методов или точек зрения и т. п. [...] много этих положений позднее встречаются в публикациях Эйлера; в письмах встречаются отсылки к возникающим у него мыслям, а также интересные сравнения с неопубликованными работами других авторов ⁴.

Особо Юшкевич отмечает научное значение переписки Эйлера.

Вероятно, уже во время празднования 250-летия со дня рождения Эйлера публикатор задумался о продолжении *Opera omnia* – издании четвертой серии, в которой была бы опубликована переписка ученого. Инициатива Юшкевича была совершенно логичной, и в качестве первого шага следовало опубликовать выборку из переписки, тем самым показав, какую ценность она представляет. При встрече Юшкевича с Винтером было решено публиковать эти письма в Берлине, поскольку в Советском Союзе в то время таких возможностей не было.

¹Рукописные материалы Л. Эйлера в Архиве Академии наук СССР / Сост. Ю.Х. Копелевич, М.В. Крутикова, Г.К. Михайлов, Н.М. Раскин. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1961. Т. 1: Корреспонденция. С. 229–351.

²Эйлер Л. Переписка: Аннотированный указатель. Л.: Наука, 1967.

³Там же.

⁴Там же.

Замысел Юшкевича осуществился: в 1975 г. в Швейцарии вышел в свет первый том четвертой серии *Opera omnia*, представлявший собой аннотированный каталог 1967 г. (преобразованный в соответствии с латинским алфавитом), включавший теперь уже 2829 писем. К этому времени в Берлине уже вышли три тома переписки Эйлера (первый и второй — под общим названием «Берлинская и Петербургская академии наук в переписке Леонарда Эйлера» и отдельный том переписки Эйлера с Гольдбахом). Эти тома в научном мире были встречены с одобрением.

Берлинское издание было связано с именами Юшкевича и Винтера.

Адольф Павлович Юшкевич (1906—1993) очень рано стал работать в области истории математики и в 1956 г. стал членом-корреспондентом, а в 1960 г. — действительным членом Международной академии истории науки, находящейся в Париже. В 1965 г. он три года возглавлял эту академию в качестве президента. Как представитель Академии наук СССР он был членом находящегося в Швеции международного Эйлеровского комитета, который наблюдал за изданием *Opera omnia*.

Теперь познакоимся подробнее с противоречивым жизненным путем Эдуарда Винтера (1896—1982), который после окончания учебы на богословском факультете университета Инсбрука занимался главным образом теологией и историей — как он сам это формулировал, «историей духа» (*Geistgeschichte*), «историей мысли» (*Geschichte des Denkens*), — а затем занялся исследованием жизни и творчества Эйлера.

Специфические проблемы родины Винтера, Богемии, уже на раннем этапе его жизни обусловили его обостренный интерес к немецко-славянским отношениям. В 1929 г. он получил должность экстраординарного, а в 1934 г. — ординарного профессора католической теологии в Немецком университете в Праге. Однако его отношение к католической церкви тогда было неопределенным.

После аннексии Германией в 1938 г. Богемии, Моравии и Чешской Силезии Винтер очутился в фашистском обществе, но не перенял фашистских воззрений и догм. Об этом свидетельствуют опубликованные им в то время книги: в 1938 г. в Мюнхене увидела свет работа «Тысяча лет духовной борьбы в Судетах. Религиозная борьба двух народов»⁵; в 1942 г. в Лейпциге — книга «Византия и Рим в борьбе за Украину в 955—1939 гг.»⁶, остатки тиража которой позднее были распроданы в ГДР; в 1943 г. в Брюнне (Брно) — книга «Иосифизм и его история»⁷, которая после переработки была издана в Восточном Берлине в 1962 г.

В 1940 г. Винтер официально порвал с католической церковью, после чего перешел на факультет философии Немецкого университета в Праге, где профессора не читали лекций, а занимались только научной работой. То обстоятельство, что факультету покровительствовал учрежденный

⁵ Winter, E. Tausend Jahre Geisteskampf im Sudetenraum. Das religiöse Ringen zweier Völker. München: Aufstieg Verlag, 1938.

⁶ Winter, E. Byzanz und Rom im Kampf um die Ukraine. 955—1939. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1942.

⁷ Winter, E. Der Josefismus und seine Geschichte. Brünn: Rudolf M. Rohrer Verlag, 1943.

генералом СС Р. Гейдрихом фонд (*Heydrich-Stiftung*), стало причиной появления впоследствии публикаций, в которых без всяких доказательств утверждалось, что Винтер был членом НСРП и даже служил в СС. Однако очевидно, что это легенда: в соответствующих справочных изданиях подобные факты отсутствуют.

В мае 1945 г. Винтер, получив австрийское гражданство (вероятно, потому, что его жена Мария до аншлюса была австрийской гражданкой и владела домом в курортном городке Маубах у Ахензее), покинул Чехословакию и переехал с женой в Вену. Однако в католической Австрии он как католик, порвавший с католической церковью, не смог найти себе работы и поэтому принял приглашение на место профессора восточноевропейской истории в университете города Галле, находившегося в советской зоне оккупации Германии. О пребывании в Галле он писал в своих мемуарах, первый том которых вышел при его жизни, а второй — посмертно⁸.

Анализ идеологической позиции Винтера в период пребывания в ГДР не является темой данных воспоминаний. Но можно утверждать, что на новом месте работы у Винтера было особое положение: его уважали как известного ученого и вместе с тем от него дистанцировались как от «буржуазного ученого, признающего марксизм». Его особое положение определялось еще и тем, что Винтер был австрийским гражданином. В отличие от своих коллег он мог в любое время ездить в Западный Берлин, а летний отпуск ежегодно проводил в Австрии, в доме своей жены.

В 1951 г. Винтер переехал в Восточный Берлин, где в академическом архиве изучал интересующие его документы, относящиеся к немецко-славянским отношениям. В 1955 г. он стал членом Германской академии наук в Берлине, которая в то время начала подготовку к празднованию 250-летнего юбилея со дня рождения Эйлера. Винтер охотно включился в эту работу, ибо этот ученый был ему весьма интересен. Член двух академий, Берлинской и Петербургской, Эйлер обладал широким взглядом на мир, и именно поэтому Винтер стремился к тому, чтобы предстоящий юбилей стал не только математико-естественно-научным мероприятием. По мнению Винтера, Эйлер был центральной фигурой в научных связях своего времени, и Винтер, полагал, что, выстраивая современные немецко-русские отношения, нужно ориентироваться на пример Эйлера.

Новоизбранный академик, Винтер предложил к предстоящему юбилею Эйлера опубликовать *Registres*, т. е. протокольные записи заседаний Берлинской академии наук за 1746–1766 гг., как документы о деятельности Эйлера в берлинский период его жизни. Это предложение было принято, и подготовленные им вместе с женой протоколы вышли из печати к юбилею 1957 г. В предисловии к этому изданию Винтер отметил, что еще в XVIII в. было предусмотрено одновременно с «Мемуарами» («Трудами») академии публиковать и протоколы ее заседаний, однако их не печатали, несмотря на то что они были важными свидетельствами деятельности

⁸ *Winter, E. Mein Leben im Dienst des Völkerverständnisses. Nach Tagebuchaufzeichnungen, Briefen, Dokumenten und Erinnerungen. Berlin: Akademie-Verlag, 1981 (Bd. 1); Winter, E. Erinnerungen (1945–1976). Frankfurt am Main: Lang, 1994 (Bd. 2).*

академии в то время. Далее Винтер подчеркивал, что эту работу он намерен выполнить в сотрудничестве с Институтом истории естествознания и техники АН СССР и среди прочего упомянул о предложенной им публикации переписки Эйлера с Герхардом Фридрихом Миллером, которая стала на долгое время важнейшей темой моей научной деятельности.

В 1956 г. Винтер получил возможность совершить научную поездку в Москву и Ленинград для налаживания непосредственных контактов для подготовки юбилея Эйлера. В Москве произошла встреча двух специалистов: с одной стороны, историка математики и исследователя жизни и творчества Эйлера Юшкевича, а с другой — ученого-гуманитария, интересующегося духовной стороной деятельности Эйлера, Винтера. Они быстро нашли общий язык, что привело к решению о совместном издании переписки Эйлера в берлинский период его жизни.

Непосредственным результатом этой поездки была Эйлеровская конференция, проведенная в Берлине 25 и 26 мая 1957 г., на которую из Москвы приехали Николай Александрович Фигуровский и Василий Павлович Зубов, а из Ленинграда — Павел Наумович Берков. В то время Винтер еще не имел в академии достаточного влияния для проведения конференции под ее эгидой. Он использовал свои связи с Обществом германо-советской дружбы, поэтому она проходила в центральном здании этого общества и широко освещалась прессой.

О касающемся лично меня аспекте инициативы Винтера я писал в 2006 г. в своей автобиографии:

В Москве он (Винтер. – П.Х.) договорился с историком математики Адольфом Павловичем Юшкевичем о совместном издании официальной переписки Леонарда Эйлера, которую он вел в то время как член Берлинской академии наук с Петербургской академией наук. В первом томе планировалось издать переписку Эйлера с конференц-секретарем Петербургской академии Герхардом Фридрихом Миллером⁹

Для Юшкевича это издание было первым шагом к реализации запланированного швейцарским Эйлеровским комитетом совместного издания четвертой серии *Opera omnia*, в которой предполагалось опубликовать переписку Эйлера. В результате в Берлине появились четыре тома, три из которых – в серии «Источники и исследования по истории Восточной Европы», а переписка Эйлера с Гольдбахом – в серии «Трактаты Германской академии наук в Берлине». При выборе этого наименования учитывалось, что переписка Эйлера с Гольдбахом относилась к частной сфере, так как Гольдбах в это время уже не был членом Петербургской академии, а работал в российской Коллегии иностранных дел. Кроме того, эта переписка характеризуется широким обсуждением математических проблем, которые в других томах играли незначительную роль.

Если для Юшкевича берлинское издание переписки Эйлера было началом работы над четвертой серией *Opera optima*, то для Винтера оно стало

⁹ Hoffmann, P. In den hinteren Reihe. Aus dem Leben eines Osteuropa-Historikers in der DDR. Berlin: Nora Verlagsgemeinschaft Dyck & Westerheide, 2008. S. 120.

частью его инициативы по публикации работ о немецко-славянских отношениях. Из Советского Союза Винтер, кроме предназначенный для издания переписки Эйлера, привез с собой фотокопии материалов для других публикаций: дневник путешествия Даниеля Готлиба Мессершмидта по Сибири в 1720—1727 гг., материалы для издания трудов Августа Людвига Шлецера, а также фотокопии переписки Герхарда Фридриха Миллера с Антоном Фридрихом Бюшингом.

О моем участии в этой издательской деятельности я писал в автобиографии:

По возвращении из поездки Винтер с воодушевлением говорил на научном семинаре о тех многочисленных возможностях, которые даст работа, запланированная совместно с советскими исследователями. При этом Винтер рекомендовал использовать как большую ценность фотокопии, которые он привез с собой ¹⁰.

Я вступил в такую область, в которой мне в течение десятков лет пришлось заниматься историей самых различных научных направлений. Работа по изданию переписки Эйлера была включена в план Института истории, и я должен был регулярно отчитываться перед дирекцией о ходе ее выполнения.

Однако вначале мне пришлось выполнять поставленные Винтером задачи. Он как руководитель давал возможность каждому сотруднику работать свободно, в зависимости от собственных способностей, но контроль за ходом дел постоянно держал в своих руках. Винтер передал мне фотокопии и теперь ждал от меня предложений реализации проекта. Это означало, что я должен был разработать принципы издания, производить правку текстов и т. д. К тому же мне приходилось оказывать существенную помощь в подготовке к изданию официальных писем И. В. Гёте, используя уже сформулированные мной принципы издания для переписки Эйлера.

Принципы издания были опубликованы под заголовком «О подготовке текстов» в предварительных замечаниях к тому переписки Эйлера с Миллером. В целом в этом томе были опубликованы 208 писем, из которых 111 принадлежали Эйлеру. Четыре письма были обнаружены после издания этого тома (три — Миллера и одно — Эйлера, о предложении тем на премию Петербургской академии наук 1755 г.). Их опубликовали во втором томе этого издания. Одно письмо донныне осталось неопубликованным, его нашли позже в Москве в Российском государственном архиве древних актов.

Первые двенадцать писем этой переписки относятся ко времени, когда Миллер как член Великой Северной экспедиции (торой экспедиции В. Беринга) ездил по Сибири. В 1754 г. он стал конференц-секретарем Академии наук, и с этого назначения начинается главная часть переписки. Заканчивают ее семь писем, написанных Миллером в 1766 и 1767 гг. из Москвы в Петербург, где Эйлер снова жил после своего возвращения из Берлина.

Работа с текстами долгое время была моим главным занятием. По ходу этой работы возникала необходимость в достаточно длительных (большей

¹⁰ Ibid.

частью многонедельных) командировках в Москву и Ленинград, куда я впервые приехал летом 1959 г., когда первый том издания писем был уже в издательстве.

Поскольку я давно освоил работу на пишущей машинке, я стал переводить тексты писем с фотокопий в машинописный вид. Письма Эйлера не создавали проблем, так как его почерк было легко читать. Письма Миллера читать оказалось значительно труднее, потому что среди них были черновые наброски, а в отдельных случаях — писарские копии. Их нужно было предварительно расшифровывать, поскольку в них были зачеркивания, вписанные между уже написанными строками тексты и встречались неразборчивые слова. Винтер, читая эти расшифровки, по контексту советовал, где следует внести изменения и примечания. Свои предложения в виде дополнений и в отдельных случаях поправок присылал из Москвы и Юшкевич, также он давал «добро» на публикации.

Последним этапом было оформление текста для издательства, чем занимались машинистки в моем институте. В заключение я должен был читать корректуру издательских гранок всех четырех томов перед сдачей их в печать.

В 1759 г. переписка Эйлера с Миллером вышла в свет. К сожалению, на титульном листе не приведено имя участвовавшей в подготовке издания, правда, на вторых ролях, помощницы Юшкевича в Ленинграде Юдифи Хаимовны Копелевич (1921—2002), хотя моя фамилия там имеется. О ней я писал в своей автобиографии:

В городе на Неве Юдифь Хаимовна была правой рукой Адольфа Павловича Юшкевича. Она легко понимала немецкие тексты и могла уже тогда читать относящиеся к изданию документы в академическом архиве в Ленинграде. Она изучала в университете классическую филологию и работала учительницей латинского языка в старших классах школы. Затем перешла на работу в Ленинградский отдел Института естествознания и техники в качестве переводчицы для издания научных работ, в основном написанных в XVIII в., среди которых были и работы Ломоносова. В своей новой деятельности она работала столь успешно, что позднее смогла написать монографию о начальном этапе истории Петербургской академии наук ¹¹.

Общение с Адольфом Павловичем и Юдифью Хаимовной способствовало установлению более личных связей, так что, когда они приглашали меня к себе домой, мы говорили не только на научные, но и на семейные и личные темы. Письма каждый писал на своем родном языке. Но на последнем этапе редакционной работы в телефонных переговорах преобладал русский язык. Если же моих знаний русского не хватало, мы переходили на немецкий — в меру знания этого языка моими собеседниками. В общении с коллегами в Москве и Ленинграде приходилось все сводить к формальным контактам с помощью Юшкевича или Копелевич.

¹¹ Ibid. S. 173. Автор «Автобиографии» имеет в виду книгу, ставшую единственным прекрасно документированным источником по истории основания Петербургской Академии наук: *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977 (примеч. пер.).

Совместная работа с Юдифью Хаимовной была очень важной, поскольку мы хорошо дополняли друг друга в составлении комментариев к переписке. Теперь уже трудно установить, кому принадлежат те или иные примечания. Перекрестные ссылки в пределах издания сделаны преимущественно мной, ссылки на русскую литературу или на архивные материалы, как правило, выполнялись Адольфом Павловичем или Юдифью Хаимовной, а на немецкую литературу – написаны в большинстве случаев Винтером и мной. Обширное предисловие создано совместно Винтером и Юшкевичем и в основных чертах опубликовано Академией наук СССР в сборнике, посвященном эйлеровскому юбилею.

В первом томе серии «Берлинская и Петербургская академии наук в переписке Эйлера», в котором была опубликована переписка Эйлера с Герхардом Миллером в период с 1735 по 1767 г., в предисловии указано, что «этот том был издан совместно с Институтом истории естествознания и техники АН СССР». Эта формулировка дословно была повторена в предисловии ко второму тому этой серии, где публиковалась переписка Эйлера с Нартовым, Разумовским, Шумахером, Тепловым и с Петербургской академией наук в 1730–1765 гг., и только в томе, посвященном переписке Эйлера с Гольдбахом, она отсутствует.

После выхода в свет первого тома издательство потребовало существенно уменьшить объем последующих томов. От выполнения этого требования уклониться было нельзя, поэтому было решено во втором томе публиковать в полном объеме письма Эйлера, а письма к нему все же поместить, но в виде свободного их описания. Формулирование таких резюме было поручено мне. Для этого сначала приходилось воссоздавать дословный текст. В архиве Берлинско-Бранденбургской академии наук (и в моем личном архиве) хранились полные тексты опубликованных писем. На основании этих материалов я формулировал свои резюме, стараясь сохранять собственные имена и приводить важные для смысла цитаты.

Письма во втором томе опубликованы в хронологическом порядке, согласно штампам на письмах адресату, поскольку такая переписка имела официальный характер. Семь писем относятся к 1730 и 1731 гг., большая часть корреспонденции – к периоду с 1741 по 1757 г. В целом второй том охватывал 349 писем. На заключительном этапе редакционной работы было найдено письмо 344а.

В первом томе примечания к письмам были помещены в конце книги, а во втором, по рекомендациям рецензентов, – после каждого письма. О другой особенности второго тома я писал в своих воспоминаниях:

Мне нужно было подробно документировать возвращение Эйлера в Санкт-Петербург в 1765 г. Однако при этом непредвиденно возникли сложности. Дело в том, что переписка Эйлера с канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым (1714–1767) хранилась в архиве Министерства иностранных дел СССР в Москве. Этот архив дал фотокопии писем, но с условием не указывать шифры архива, несмотря на то что одно письмо из этой переписки было опубликовано еще в XIX в. Но без этих шифров они не представляли научной ценности. По совету Юшкевича эти письма из нашей публикации

были исключены. Они не опубликованы до сих пор, хотя подобные архивные документы стали общедоступными ¹².

В 1961 г. второй том вышел в свет. Издание следующего тома с перепиской Эйлера и Гольдбаха столкнулось совсем с другими проблемами, нежели в случае двух первых томов. Это определялось совершенно особым характером переписки, имевшей главным образом чисто математическое содержание, но включавшей также письма, которые касались других научных направлений. Винтер предложил и добился того, чтобы статьи этого тома для подготовки к изданию были переданы в Отделение философии, истории, государства, права и экономики тогда уже Академии наук ГДР.

Если при обработке первых двух томов я всегда мог прочитать и полностью понять содержание, то в «математической» переписке Эйлера и Гольдбаха многое оставалось непонятным. Те места писем, которые были написаны на немецком языке, я читал легко и без проблем. Но ситуация существенно изменялась, когда корреспонденты переходили на латынь. Мои школьные познаниягодились, но особым образом. Научная латынь XVIII в. отличается от классической, так что я мог прочесть слова, но, не понимая смысла прочитанного, ограничивался тем, что переносил их из фотокопии в машинописный вариант слово в слово. Наконец, машинописные тексты были завершены, и теперь нужна была кооперация с учеными различных направлений.

В выходных данных названы одиннадцать фамилий тех, кто совместно работал для этого издания, причем из этого списка стоит выделить М. Миллера из Дрездена (Институт транспорта) и жившего там же Г. Коха (Математический академический институт Академии наук). Оба были математиками, которые редактировали мой перевод. Кох знал русский и был поэтому необходим, внося нужные поправки в переводах на этот язык. Миллер был блестящим латинистом и мог мне многое объяснять в латинских текстах. Винтер тоже консультировался у них, но какими путями он завязал эти контакты, теперь уже невозможно узнать. Эта связь прекратилась с завершением работы над третьим томом, который вышел в свет в 1965 г. В научном мире он был встречен с большим вниманием, поскольку некоторые упомянутые в нем математические проблемы сохранили актуальность вплоть до настоящего времени.

Затем в издательской деятельности наступил большой перерыв. Винтер был загружен работой в Академии наук и после выхода на пенсию не мог, как прежде, влиять на положение дел. Последний том переписки Эйлера был включен в план Института истории, но в самом конце этого плана, что также могло повлиять на отношение к изданию. К тому же в институте появился новый директор, который на него не обращал особого внимания. Да и советская сторона не проявляла большой заинтересованности в этой работе, поскольку в последнем томе предстояло опубликовать научную и научно-организационную переписку. Этот том был примечателен тем, что в него были включены 45 писем Эйлера в Лондон к Иоганну Каспару

¹² *Hoffmann*. In den hinteren Reihe... S. 147.

Веттштейну (1695–1760), который был не только капелланом и библиотекарем принца Уэльского, но и членом Лондонского королевского общества. Эйлер использовал свои письма для сообщения о научных открытиях и изобретениях в России, чем особенно интересовались в Лондоне. Ответы Веттштейна пока найти не удалось.

Как член Королевского общества Веттштейн передавал различные письма Эйлера для публикации в издаваемом обществом журнале *Philosophical Transactions*. Поскольку эта переписка имеет особое историко-научное значение, то ее решили опубликовать в подготавливаемом седьмом томе серии *IVa Opera omnia*.

Эйлер писал письма Веттштейну на французском языке, их перевод выполняла сотрудница ИИЕТ АН СССР Татьяна Николаевна Кладо (1889–1972). Ее участие в этой работе, хотя том вышел в свет уже после ее смерти, было отмечено в предисловии.

С 1959 по 1976 г. Германской академией наук в Берлине, которая после ее реорганизации в 1973 г. стала Академией наук ГДР, совместно с Академией наук СССР в целом были подготовлены четыре тома переписки Эйлера, из которых три были объединены названием «Берлинская и Петербургская академии наук в переписке Эйлера», а четвертый, содержащий переписку Эйлера с Гольдбахом, по предложению Винтера был издан как первый том серии «Статьи Германской академии наук в Берлине. Отделение философии, истории, государства, права и экономики» с названием «Леонард Эйлер и Христиан Гольдбах. Переписка 1729–1764 гг.». Несмотря на то что эта публикация частично переиздана или будет переиздана в ближайшее время, она по-прежнему не утратила своего значения прежде всего для исследования берлинского периода жизни Эйлера. Ее полное воспроизведение в составе *Opera omnia* в настоящее время не предполагается.

Я начал свои воспоминания с некоторых личных заметок и хотел бы подобным же образом ее закончить. Работа по изданию переписки оказала решающее влияние на формирование меня как историка. И получение ученой степени также непосредственно связано с этим изданием. В 1959 г. я защитил диссертацию на тему «Герхард Фридрих Миллер – значение его географических работ для представления о России XVIII века». Значительные ее результаты были опубликованы в двух монографиях: «Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) – историк, географ, архивист на службе России» и «Восточная Сибирь и Северный ледовитый океан во второй половине XVIII столетия. Дискуссия о границах Азии» (2013)¹³.

Пер. с нем. Э. П. Карнеева

¹³ Hoffmann, P. Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt am Main: Lang, 2005; Hoffmann, P. Ostsibirien und Nordpazifik in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Die Diskussion um die Ausdehnung Asiens. Frankfurt am Main: PL Academic Research, 2013.